

Каким должно быть доказательство внешнего мира?

Статья Дмитрия Миронова

Если мы собираемся предложить доказательство внешнего мира Декарту (как тому скептику, который может требовать от нас такое доказательство), то нам изначально следует исходить из того, что Декарт не знает чего-либо такого, о чем не можем знать мы. Мы знаем, чего он хочет. Декарт хочет знать, видит ли он мир таким, каков этот мир есть, или ему все только снится. Видеть сны и просто видеть нечто — понятная для Декарта дистинкция. Декарт знает, что если он видит сон, то он не видит мир. Мир снов — это как бы мир, почти такой же мир, какой Декарт видит, когда не спит. Как соотносятся два мира: тот, который видят во сне, и тот, который видят наяву? Кажется, что, когда Декарт спит и видит сны, он все же знает, что он существует, точно так же существует, как он существовал бы, если бы не спал и видел мир. Видит ли Декарт сны, или он видит сам мир, Декарт все же знает, что он существует, и в этом отношении видение снов и видение мира не различаются. При этом Декарт также знает, что если он видит сны, то он не видит мир, а если он видит мир, то он явно не спит. О мире Декарт знает, что это — не то, что он видит во снах.

А что еще Декарт знает о мире? Декарт знает, что мир

создан: мир снов — самим Декартом, мир как таковой (тот, который Декарт видит, когда не спит) — Богом. И если Декарт для мира снов есть то же, что и Бог для мира как такового, то у Декарта должны быть все привилегии в отношении к «своему» миру (снов, грез и др.), какие есть у Бога в отношении к Своему миру. А в отношении к миру, который не есть декартовский, кажется, у Декарта нет никаких привилегий.

Здесь мы подходим к самому главному. Доказательство внешнего мира напоминает борьбу с привилегиями: мы не хотим лишить Декарта права на его мир, но мы хотим сказать Декарту, что у него нет особых привилегий в отношении к «его» миру. Как это сделать? Мы хотим напомнить Декарту, что он не одинок, что мир, который он видит во снах, не столь уж радикально отличается от того мира, который мы все видим во снах. Мы также хотим напомнить Декарту о том, что он и сам хорошо знает: мир есть не только для Декарта, но и для тебя, для меня и для всех нас. Мир, который есть для Декарта, не столь инаков, чтобы не соотноситься с миром, который есть для каждого из нас.

Мы не хотим сказать тем самым, что мир «ничейный», что он ни для кого: мир есть для каждого из нас. Мир,

который мы видим во снах, есть все же наш, доступный каждому из нас, мир; в снах Декарта нет ничего такого, чем нельзя было бы пренебречь и в силу чего нельзя было бы сказать: каждый из нас мог бы видеть такой же сон.

И, конечно, борьба с привилегиями не может быть односторонней: мы не даем «внутреннему» быть чем-то особенным в отношении к «внешнему»; но ровно так же мы не должны позволять «внешнему» быть чем-то особенным в отношении к «внутреннему». Мир, который только мой, и мир, который «ничейный», одинаково не тот мир, который есть для каждого из нас. Мир сам по себе, безотносительный к нам, мир, которому нет дела до нас, не обязан быть нашим миром — почему вообще такой мир должен нас заботить?

Итак, доказательство внешнего мира не доказывает, что есть мир сам по себе, и не уничтожает мир, который есть для меня; оно доказывает, что мир сам по себе и мир для меня всегда суть мир для каждого из нас, и каждый из нас обладает равными правами на наш мир.

Пояснение

Барри Страуд полагает, что в борьбе со скептицизмом должны помочь Дэвидсон и его рассуждения о радикальной интерпретации. Согласно Страуду, скептицизм сталкивается с такой дилеммой: «Поиск реальности начинается с вопроса о том, действительно ли вещи таковы, какими их представляют нам наши убеждения, так что, кажется, этот поиск требует определенной отрешенности от всех убеждений о вещах в мире. Но если признание психологических фактов, которые предполагается объяснить, требует убеждений о вещах в мире, то “разоблачающий” проект будет требовать и отрешенности, и погруженности в одни и те же убеждения в одно и то же время»¹.

Я решил по-своему продолжить размышления Страуда.

Итак, скептик должен выдержать свою позицию до конца, ему надо постоянно отличать свою «точку зрения» от разоблачаемой или скептически подрываемой «точки зрения». Скептик должен показать, что наше убеждение о внешнем мире неверно, что здесь мы заблуждаемся.

Зададим себе вопрос: что в обычном случае предполагает

квалификация кого-то как заблуждающегося? Предполагает то, что способный к такой квалификации умеет определять убеждения так квалифицируемого и, далее, может объяснить, каким путем возникло заблуждение. А это, в свою очередь, предполагает, что способный к такой квалификации умеет определять некоторые убеждения так квалифицируемого как источники заблуждения и что некоторые убеждения должны быть общими для квалифицирующего и квалифицируемого. В разбираемом случае скептик должен квалифицировать наше убеждение в том, что есть внешний мир, как заблуждение. Если такая квалификация, предлагаемая скептиком, имеет обычный характер, то, согласно условиям, у самого скептика должны быть убеждения, общие с нами.

Если скептик не принимает нашу веру во внешний мир, то нельзя ли предположить, что скептик принимает нашу веру во внутренний мир? Есть ли у нас какие-то убеждения относительно внутреннего мира? У нас есть такие убеждения: нам сложно передать, что происходит в нашем внутреннем мире, и у нас «особый» доступ к этому миру. И, кажется, мы, в противоположность этому, убеждены в том, что у всех нас есть «общий» доступ к внешнему миру.

Разделяет ли это последнее убеждение вместе с нами и скептик? Если «да», то тогда у скептика есть убеждение в «мире для каждого из нас», и наша задача как противников скептика будет состоять в том, чтобы показать ему: наличие «особого» внутреннего мира вполне совместимо с наличием «общего» внешнего мира, и нет такого «внутреннего», которое не было бы связано со своим «внешним». А если «нет»? Тогда для скептика нет и «общего», доступного для каждого, мира, а есть только «особые» миры. Может ли скептик что-либо узнать о другом, не-своем, мире? Может ли он знать о том, что есть какие-то убеждения, общие для скептика и этого другого? Если наш скептик будет до конца выдерживать свою позицию, то ему надо будет сказать, что он не знает, какие убеждения оказываются общими для него и для другого. И тогда «борьба» скептика с заблуждениями утрачивает обычный смысл. В таком случае, какого рода разоблачением будет заниматься скептик? Скорее он просто будет стремиться выдержать свою позицию до конца, будет настаивать, что он знает нечто такое, о чем не можем (видимо, никогда) знать мы. Требовать такую привилегию для себя скептик может. Но должны ли мы соглашаться с такой привилегией?

Собственно поэтому «доказательство внешнего мира напоминает борьбу с привилегиями».

1. Stroud B. The Quest for Reality: Subjectivism and the Metaphysics of Colour, New York, Oxford: Oxford University Press, 2000, P. 149; о Дэвидсоне см. стр. 150 и далее.